

привлекло Зилова к дисциплинарной ответственности, а съезду сделало «замечание»⁶⁷. По словам П.И. Люблинского, это определение «невольнo ошеломило каждого юриста, желавшего применить к нему критерий закона»: замечание выносилось Присутствием в нарушение нормы, позволявшей это делать лишь кассационным департаментам Сената, а к официальному опубликованию постановлений фактически приравнивалось их частное издание⁶⁸.

Таким образом, Правительствующий Сенат как минимум пять раз обсуждал возможность адвокатской деятельности женщин, и сначала дважды признал её допустимость, а затем трижды наложил на неё запрет, несмотря на протест юридического сообщества. В 1917 г. Временное правительство решило проблему кардинально: 1 июня оно, не прибегая к помощи сенаторов, открыло россиянкам путь в адвокатуру⁶⁹.

Дмитрий Андреев: Судебная власть и вызовы модернизации в пореформенной России

*Dmitry Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Judicial power and challenges of modernization in post-reform Russia*

DOI: 10.31857/S2949124X24060236, EDN: RKJKNE

Очерки А.Н. Верещагина восполняют обширную лакуну в истории государственного управления Российской империи. Столь обстоятельно организация, деятельность и роль кассационных департаментов Правительствующего Сената ещё не рассматривались ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Однако автор, будучи одновременно профессиональным историком и юристом, отнюдь не ограничивает себя решением сугубо академических, научно-исследовательских задач, но стремится «вернуть Кассационному Сенату то внимание общественности, прежде всего юридической, которое он заслужил своей яркой полувековой биографией» (с. 4). Тем самым Верещагин не только указывает на «глубину разрыва, учинённого большевизмом (именно так, в экспрессивной бунинской орфографии. — Д.А.) режимом, который насильственной рукой отрезал нас от прежней России и её реалий» (с. 2), но и по-своему пытается его преодолеть «хотя бы в области верховного правосудия» (с. 3–4). Собственно, это и является «главной целью» (с. 4) автора книги. Не случайно, несколько модернизируя историческую реальность и терминологию, он именует кассационные департаменты Сената «верховным судом Российской империи» и явно желал бы именно в них видеть «юридического предка» аналогичного ныне действующего института, до сих пор официально отсчитывающего свою историю от «создания Верховного суда ленинско-сталинской РСФСР» в 1923 г. (с. 2).

Впрочем, «по здравом размышлении» Верещагин вынужден «безоговорочно» признать, что «это вполне соответствует исторической правде», поскольку «Верховный суд РФ точно так же не имеет никакого отношения к Кассационному Сенату, как судебная система РФ не имеет отношения к судебным

⁶⁷ Указ Правительствующего Сената Московскому мировому съезду о женщинах-адвокатах // Вестник права. 1915. № 10. С. 316–317.

⁶⁸ Люблинский П.И. Борьба с женской адвокатурой и уроки законности // Право. 1915. 24 мая.

⁶⁹ Вестник Временного правительства. 1917. 13(26) июня.

установлениям Российской империи, а сама РФ — к тысячелетней российской государственности, будучи целиком и полностью юридическим и фактическим продолжателем СССР — идеократического государства, созданного партией большевиков ради борьбы с капитализмом, торжества коммунизма в мировом масштабе и ввиду таких целей открыто и категорически порвавшего со всей предшествовавшей российской государственностью» (с. 3). При этом, размышляя про «современное положение дел в сфере государственной и судебной правовой преемственности» (с. 3), автор как юрист игнорирует положения ныне действующей Конституции, согласно которой «Российская Федерация, объединённая тысячелетней историей», даже формально не только является «правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР», но и сохраняет «память предков» и «преемственность в развитии Российского государства» (ст. 67.1). А как историк он забывает упомянуть о том, что большевизм, как бы к нему ни относиться, возник и утвердился именно на российской почве и представлял собой не случайное и мимолётное явление, а результат многочисленных социальных и политических конфликтов, сложившихся в пореформенное время и оказавшихся неразрешимыми для правительственной власти. Если же не сводить Россию как сложную историко-культурную общность к тем или иным временным и меняющимся государственно-правовым формам, то окажется, что царский, советский и постсоветский периоды, при всех зияющих между ними разрывах, являются этапами единого диалектического развития, до сих пор ещё не исчерпавшего своего потенциала. И только поэтому опыт имперской государственности с её реформами, надеждами, достижениями и провалами, а также их анализ Верещагиным остаются по-прежнему актуальны и для научных изысканий, и для общественного самосознания, независимо от того, когда судьям высших инстанций угодно отметить тот или иной юбилей.

Несмотря на то, что книга Верещагина посвящена кассационным департаментам, созданным в середине 1860-х гг., в ней кратко очерчена и предшествующая история Сената с момента его учреждения в 1711 г. как органа, призванного не просто содействовать монарху «в деле суда, законодательства и администрации» (с. 7), но и отчасти заменять его в условиях войны. В состоянии этого «первоначального синкретизма» (с. 7) Сенат оставался более полувека, хотя его функции и вес в политической системе за эти годы неоднократно менялись. В следующие сто лет, начиная с екатерининской реформы 1763 г., Сенат, разделённый на несколько судебных и административных департаментов, неуклонно терял былое значение, тогда как позиции фактически руководившего им генерал-прокурора, напротив, скорее усиливались, во всяком случае, до образования в 1802 г. министерств. Характерно, что именно по мере укрепления министерской системы в проектах сперва М.М. Сперанского (почему-то даже не упомянутых в тексте⁷⁰), а затем М.А. Балустьянского (с. 31–33) возникает идея выделения «Судебного Сената» и его превращения в «верховный суд» по образцу французского Кассационного суда. Наконец, «после судебной реформы 1864 г. ... роль Сената выросла вновь, поскольку он получил функции кассационного суда, следящего за единообразием судебного толкования во всей империи, а значение судебной власти чрезвычайно укрепились по сравнению с дореформенным временем» (с. 8).

⁷⁰ Сперанский М.М. Проекты и записки / Под ред. С.Н. Валка. М.: Л., 1961. С. 198–201, 222, 227–228.

Глубоко погружаясь в сферу, требующую специальных юридических знаний, Верещагин вместе с тем сохраняет критическое отношение к исследуемой теме. И это особенно важно, так как ещё в дореволюционной либеральной историографии сложилась традиция апологетического восприятия судебной реформы 1864 г. как наиболее успешного и завершённого из преобразований Александра II. Со своей стороны, Верещагин указывает как достоинства, так и недостатки введённых тогда институтов и применявшейся ими практики. В частности, «скандальное решение» присяжных, оправдавших в 1878 г. В.И. Засулич, справедливо названо автором «проявлением очевидной *зависимости* суда... от общественных настроений» (с. 197). Нечто подобное повторилось затем накануне Первой мировой войны, когда уже не присяжные, а непосредственно сенаторы, рассматривавшие дело профессора И.А. Бодуэна де Куртенэ, продемонстрировали, что и они «не были вполне независимы от влияний внешней среды, от своего круга» (с. 214–216). А фактически — от оппозиционно настроенной общественности. Как констатирует Верещагин, в пореформенные десятилетия «источником давления на суд было не только и даже не столько правительство, сколько общественное мнение, находившееся под обаянием радикальных и прогрессистских идей» (с. 223).

В этих условиях власть, естественно, пыталась ослабить воздействие общества на судебные инстанции. Правда, Верещагин не склонен считать упразднение мирового суда в империи (за исключением столиц и нескольких городов) однозначно реакционной мерой. По его мнению, «так называемая контрреформа 1889 г.» (с. 81) привела лишь к тому, что местное судоустройство «стало слишком сложным и пёстрым, а главное — раздробленным» (с. 241). Но Россия «принадлежала к типу сложных унитарных государств, для которых разнообразие форм судебного устройства совершенно естественно», а «нежелание правительства навязывать всем единый стандарт» вполне обоснованно (с. 81).

Гораздо более важно то, что в результате реформы 1864 г. «не на словах, а на деле было достигнуто равенство перед законом, невзирая на лица». Теперь даже представители царской династии несколько раз проигрывали тяжбы в судах (с. 83). Поэтому историк предельно жёстко отзываясь о радикальных либералах и левых публицистах, пренебрежительно относившихся к успехам нового судопроизводства в конце XIX — начале XX в. Даже весьма умеренную «веховскую» статью Б.А. Кистяковского «В защиту права (интеллигенция и правосознание)» Верещагин критикует за предвзятость к судебскому корпусу и недооценку его профессиональных качеств (с. 85–86). Неспособность адекватно оценить масштаб изменений, произошедших в правовой культуре в пореформенные десятилетия, свидетельствовала о том, что «русское общество было политически очень незрелым» (с. 111)⁷¹. И это, к сожалению, совсем не компенсировалось тем, что «сверхчувствительность и совесть... вовсе не были редкостью среди представителей образованного слоя того времени» (с. 121).

Верещагин соглашается со словами американского русиста Дж. Дейли о том, что «после 20 ноября 1864 г. Россия перестала быть самодержавной, то есть абсолютной, монархией в полном смысле этого слова» (с. 179). С этого момента судебная власть монарха ограничивалась принципом несменяемости

⁷¹ См.: *Barerowski J.* Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt a/M, 1996.

судей и запрещением обжаловать кассационные решения Сената (с. 179–180), что представляется автору книги вполне сопоставимым с наделением Государственной думы и Государственного совета законодательными полномочиями в 1905–1906 гг. (с. 181). В этом исследователя убеждают случаи, когда императоры, вопреки собственным желаниям, соглашались с судебными решениями, а также неудачные попытки пересмотра норм Судебных уставов Александра II в 1880–1890-е гг.

Однако следует отметить, что, в отличие от 1905 г., утверждение в 1864 г. Судебных уставов не потребовало какой-либо корректировки Основных законов, определявших объём и характер верховной власти. А правила, регулировавшие с тех пор её осуществление в судебном ведомстве, напоминали скорее ту формализацию, которая была внесена в законотворческую деятельность при преобразовании Государственного совета в 1810 г. Не стоит забывать и о том, что уставы 1864 г. вводились в различных регионах страны постепенно, а их действие дополнялось наличием «политической юстиции» (с. 191).

Кроме того, установление принципа несменяемости судей, как и других положений Судебных уставов, очевидно, не имело необратимого характера. Императоры полагали, что могут в любой момент отменить или изменить их по собственному усмотрению, необходимо только запустить соответствующий процесс. На деле же это оказывалось не так просто. Вписанное в сложную бюрократическую машину всевластие самодержца зачастую оказывалось иллюзорным. Верещагин показывает, каких усилий стоило Александру III провести через Государственный совет законопроект о возможности по инициативе министра юстиции закрывать для публики двери любых судебных заседаний, кроме сенатских (с. 247–248). Неторопливый, но и неотвратимый процесс демонтажа самодержавия набирал обороты. Во всяком случае, в судебной сфере, не связанной с «конституционными» раздражителями, демаршам «законников» ничего не мешало.

Весьма выразительна судьба возникшего при Александре III проекта учреждения Верховного совестного суда (с. 250–261). Верещагин не склонен искать в нём «возвращение к деспотизму, самодержавному произволу», к тому же гражданские споры, для которых задумывался этот орган, «не имели политического измерения и по отдельности не представляли какой-либо государственной важности». Между тем «идея особого суда, корректирующего юридический формализм и крючкотворство, импонировала грубоватой, но прямой и не терпящей лукавства натуре царствующего императора, который предпочитал смотреть на вопросы с точки зрения “высшей правды” и справедливости, поверх формальных ограничений» (с. 254). По сути, этот проект, не будучи даже паллиативным, попросту изначально профанировал саму идею некоего небюрократического царского суда «по совести», что неизбежно должно было вызвать в ответ дальнейшее бюрократическое и нормотворческое обволакивание верховной власти.

В книге также прослеживается влияние судебной реформы на судьбу структуры, которая «распоряжалась» в империи «царской милостью», — Комиссии прошений и сменившей её в 1884 г. Канцелярии е.и.в. по принятию прошений (с. 197–200)⁷². Как ни странно, проблемы, возникавшие в её деятельности

⁷² Ремнёв А.В. Канцелярия прошений в самодержавной системе правления конца XIX столетия // Исторический ежегодник. 1997. Омск, 1998. С. 17–35.

в конце XIX — начале XX в., автор объясняет исключительно её неэффективностью как своего рода кассационной инстанции, не обращая внимание на неадекватность данного института сложившейся ведомственной системе и алгоритмам её функционирования. Не случайно в 1898 г. инициативы возглавлявшего её тогда Д.С. Сипягина вызвали у министров консолидированное неприятие⁷³.

В целом же кризис политической системы империи усугублялся не столько бюрократизацией под видом нормативности, сколько неудачными попытками монархов, ощущавших собственное ослабление, предпринять те или иные контрмеры. Каждая из них порождала в правительственных кругах очередную партию несогласных, всё более убеждавшихся в желательности перехода к конституционным формам, и разочарование приверженцев самодержавия как оптимального для России государственного строя.

Андрей Мамонов: Самодержавие и юстиция в реформируемой империи
Andrey Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Autocracy and justice in the reforming Empire

DOI: 10.31857/S2949124X24060248, EDN: RKDYGS

Книга А.Н. Верещагина о «кассационном Сенате», несомненно, оставит глубокий след в историографии. Она в равной мере научна, публицистична, полемична, концептуальна, тенденциозна, наконец, просто увлекательна (особенно в той части, где речь идёт об отдельных эпизодах сенатской практики). В иные времена всё это гарантировало бы если не успех, то уже точно громкий резонанс и жаркие дебаты. Но очерки вышли почти два с половиной года назад, тираж давно разошёлся, был допечатан и вновь раскуплен — своего читателя книга явно нашла и без внимания не осталась. 160-летие судебной реформы Александра II также, казалось бы, располагало к ревизии сложившихся представлений о характере и значении связанных с ней изменений. На деле же состоялся ряд рекламных презентаций, появился развёрнутый ответ задетого в тексте профессора К.П. Краковского (с. 191–194)⁷⁴, и это едва ли не всё.

Наше научное сообщество, похоже, устало от дискуссий и не видит в них проку. Да и кому захочется тратить время и силы на пререкания, если привести они могут лишь к тому, что потрудившегося ещё и обругают при очередном переиздании? Ведь, к сожалению, тот же Верещагин нередко критикует оппонентов (особенно тех, кого он считает «несоветскими») в стилистике, больше всего напоминающей выпады нелюбимого им Н.А. Троицкого. Поэтому споров ожидать, скорее всего, не приходится.

Однако для будущих исследователей пореформенного суда очерки Верещагина окажутся весьма полезны и удобны. Автор затронул в них массу сюжетов, из которых без малого все заслуживают дальнейшего изучения. Намеченных им тем хватило бы, пожалуй, на несколько поколений учёных. Увы, на сегод-

⁷³ Андреев Д.А. Дмитрий Сергеевич Сипягин // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 38–42.

⁷⁴ Краковский К.П. Размышления о судьбах кассационного суда в пореформенной России, спровоцированные книгой А.Н. Верещагина «Кассационный Сенат (1866–1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской империи» (М.: Издательская группа «Закон», 2022. 616 с.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. С. 146–159.